

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512+39+398.21

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-3-3-10

ОБ ОБЩЕМ ДРЕВНЕМ ЛЕКСИЧЕСКОМ ПЛАСТЕ, СУЩЕСТВУЮЩЕМ В СОВРЕМЕННЫХ БУРЯТСКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

(междисциплинарный подход)

© *Соегов Мурадгелди*

доктор филологических наук, профессор,
действительный член (академик) Академии наук Туркменистана,
Национальный институт рукописей АН Туркменистана
Туркменистан, 744000, г. Ашхабад, ул. Пушкина, 13а
E-mail: msoyegov@gmail.com

В статье на междисциплинарном уровне ставятся вопросы, связанные с этимологией лексических единиц в предполагаемо родственных языках, и на этой основе выдвигается предположение о едином происхождении их носителей, а именно бурятского (шире — монгольских) и туркменского (шире — тюркских) народов. Выявляются общие языковые средства, использованные в хуннском периоде, предпринимаются попытки по установлению таких языковых единиц, которые характерны для более древних и древнейших периодов общей истории. При этом наряду с языковыми и историческими данными к сравнительному анализу подвергаются также сведения фольклорных источников. Тем не менее, в статье преобладает принцип лингвистического центризма. В качестве основного фактического материала для исследования привлекались статьи из словарей сравниваемых языков, а также их грамматические факты. Обращено внимание также к произведениям искусства.

Ключевые слова: бурятский и туркменские языки; общий пласт; хуннский период; древнейший «алтайский» (туранский) период.

Перед тем, как приступить к изложению разработанных нами вопросов, укажем на основные по данной теме работы В. И. Рассадина — виднейшего специалиста в области сравнительного изучения монгольских и тюркских языков (1939–2017). Накопленный добротный фактический материал в трудах исследователей, начиная с работы российского монголоведа первого поколения Б. Я. Владимирцова «Турецкие элементы в монгольском языке» (СПб., 1911. 30 с.), получил свое достойное продолжение в книге В. И. Рассадина «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» (М., 1980. 116 с.) и его многочисленных статьях и сообщениях: «Тюркские лексические элементы в калмыцком языке» (1983), «О тюркском влиянии на развитие монгольских языков (2007), «Бурятизмы в якутском языке» (1972), «О монгольских заимствованиях в тюркских языках Южной Сибири» (2008), «О монгольском влиянии на казахский язык» (2009) и других [16]. Порою используемые анти-алтаистами для укрепления своей «позиции», именно эти работы открывают перед исследователями-алтаистами новые горизонты и дают возможность для проведения дальнейших разработок по установлению древних лексических пластов, общих для родственных языков.

В этой связи будет уместно привести следующие слова В. И. Рассадина из статьи, опубликованной в 2012 г. в Хельсинки, хотя они хронологически и отодвигают монгольско-тюркскую языковую общность на незримо далекие времена, делая ее почти невозможной: «В западном и центральном ареале Центральной Азии монгольские племена тесно взаимодействовали с тюркскими, зачастую в силу разных причин происходило отюречивание по языку монгольских племен и родов и омонголивание тюркских. Происходило это и в каменном веке, и в эпоху бронзы и железа, продолжает происходить в отдельных регионах и в наши дни» [5, с. 319]. Жаль, что ученый не постарается установить единого языка, существовавшего в древности у предков современных тюркских и монгольских народов. Поэтому эти в целом правильные утверждения В. И. Рассадина нуждаются в существенном дополнении для доказательства того, что смешивавшие друг с другом древние племена и роды разговаривали на диалектах и говорах одного единого тюрко-монгольского языка. Процитированное нами утверждение никак не может исключить возможность выявления генеалогически единых лексических разрядов в современных языках, в частности, бурятском и туркменском.

В этом вопросе для нас особо ценным и значимым является то, что В. И. Рассадин, отодвигая на второй план этимологии, предложенные Д. Банзаровым, Г. О. Авляевым и Ш.-Н. Р. Цыденжаповым, выступает, как и Г. Д. Санжеев и Ц. Б. Цындендамбаев, в поддержку Г. И. Рамстедта в вопросе о едином происхождении монгольского *ойрад* (*ойрот*) и тюркского *огуз* [5, с. 320; 7]. Вместе с тем, неубедительным выглядит его утверждение о тюркском заимствовании *ойрад* (<*огур* / *огуз*) в монгольских языках. По нашему мнению, как этноним *огуз* обозначает предков не только современных туркмен, но и турок, азербайджанцев, гагаузов, хорезмских узбеков, некоторой части крымских татар, не говоря уже об этнониме *огур* (*угур*, *угры*). Так и этноним *ойрад* (по-бурятски *өөрд*), наряду с западными монгольскими народами (калмыки и др.), использовался в старину для обозначения всех монгольских народов (буряты и др.). Огуры (огузы) / ойрады (ойроты) — это этноним, обозначающий общих, но очень древних предков современных тюркских и монгольских народов. К этому концептуальному вопросу мы еще вернемся.

Приступая непосредственно к составлению общего бурятско-туркменского лексикона, состоящего из исконных для обоих языков слов, отметим, что современные алфавиты трех языков монгольской группы, а именно калмыцкого, собственно монгольского и бурятского (бурят-монгольского) языков в свое время были составлены на основе кириллицы и порядок расположения в них букв почти идентичен алфавиту русского языка. Констатацией данного факта мы хотим указать на то, что в наших ранее опубликованных статьях приводились словари, составленные на материалах калмыцкого и туркменского языков (на буквы *Аа* и *Бб*) [9, с. 85–90; 10, с. 5–11], собственно монгольского и туркменского (на буквы *Гг*, *Дд*, *Ее*, *Ёё*, *Жж*, *Зз*, *Ии*) [10, с. 60–77], а также их научное обоснование. В настоящей статье изложим наше видение в вопросе по составлению краткого бурятско-туркменского словаря общих для них исконных слов на оставшиеся буквы алфавита. Но начнем не со слов, а с частиц.

Модальная частица *ла* в бурятско-русском словаре 1951 г. с пометкой см. *лэ* характеризуется как устаревшая и разговорная, которая употребляется изредка с повелительными и желательными наклонениями глагола для выражения просьбы и подкрепляется следующими примерами: *эрэгты ла!* ‘подойдите-ка!'; *наадая ла*

‘давай-ка поиграем’; *тэндэ ошоод ерэ ла!* ‘сходи-ка туда!’ [1, с. 301]. Приведем нашу трактовку частицы *-ла/-ле* в грамматическом очерке, приложенном к учебному туркменско-русскому словарю 1988 г.: частица *-ла/-ле* придает оттенок смягчения приказа, повеления, оттенок возмущения, решительности: *Ёлдан айрыл-ла!* ‘Сойди-ка с дороги!’, *Бу китабы окайын-ла* ‘Прочту-ка я эту книгу’, *Эзиз хенизем гелмандир-ле!* ‘Эзиз до сих пор не пришёл!’ [4, с. 441]. Теперь можем добавить, что в первом и втором примерах она использована именно в сочетании с глаголами повелительного наклонения, что составляет некую аналогию с бурятским языком.

Составитель «Бурят-монгольско-русского словаря» К. М. Черемисов в конце словарной статьи, посвященной частице *ла*, указывает еще на частицу *даа* [1, с. 301]. На странице 194 находится словарная статья, которую процитируем в сокращении: *даа* — модальная частица, выражающая 1) утверждение или уверенность *тинмэ даа!* конечно, так!; *тэрэши мүнөө ерэхэ байха даа* он сегодня должен обязательно приехать; 2) усиление наиболее важного в смысловом отношении слова *амаржа унтаг даа!* Пусть уж он отдохнёт; *ябыши даа угы!* ну, ступай же! [1, с. 194]. В туркменском языке частица *-да/-де* (*-да/-дэ*) имеет два варианта: с кратким [*-да/-де*] и долгим [*-даа/-дээ*] гласным. Вариант с долгим конечным гласным придает оттенок уверенности, предположения, удивления, сожаления и т.п. При помощи варианта с кратким конечным гласным подчеркивается лексическое значение слов и придается оттенок уступительности, обособленности: *Саңа жаң эден мен-дэ* ‘Звонил тебе я’, *Гүлшен бизиң гиденимизи билер-дэ* ‘Гүлшен догадается, что мы ушли’, *Оңа зат диймек бир хили-дэ* ‘Ему как-то неудобно сказать об этом’, *Мен он икэ ченли ниреде болсам-да гелерин* ‘Где бы я ни был (ни находился), обязательно приду к двенадцати часам’ [4, с. 441].

Обратим вниманин на бурятское модальное слово *маа*, которое в туркменском языке имеет соответствие в виде *ме*. В обоих языках она занимает промежуточное положение между модальными словами и междометиями, находясь ближе первому, чем второму. Сравним соответствующие толкования из переводных словарей бурятского (1) и туркменского (2) языков: 1. *маа!* на!; *ма!* ма! на, на!; *маа аба!* на, возьми!; *маагты!* нате! [1, с. 305]. 2. *ме* на, возьми, бери; *ме, саңа хат* ‘на, тебе письмо’ [14, с. 446].

Рассмотренные выше частицы и модальное слово подвергались толкованию составителями словарей независимо друг от друга, и они не входят в разряд позднейших заимствований в сравниваемых языках и хронологически представляют собой, по меньшей мере, продуктами начала хуннского периода в истории развития туркменского и бурятского языков. Одним из подтверждений подобного подхода является то, что В. И. Рассадин зафиксировал частицу *ла*, *лэ*, *л* в соседнем сойотском (тюркском) языке, как «модальную утвердительно-усилительную частицу» [6, с. 79], а модальное слово *ма* (*маа* ‘на! возьми!’) — как междометие [6, с. 80]. Общеизвестно, что первый переводчик китайских анналов на русский язык Н. Я. Бичурин (архимандрит Иакинф, 1777–1853) считает древних хуннов предками современных монгольских народов, в то же время он же идентифицировал грозного хуннского правителя Мао-Дуна (Мэтэ-хана) с Огуз-ханом, легендарным прародителем современных туркмен (а также других тюркских народов). Данное предположение находит почти полную поддержку у современных исследователей.

Можем указать еще на десятки лексем из обоих языков, характерных для них со времен хуннов — общих предков бурят и туркмен. Начнем со слова *мал*, которое в бурятском (б.) и туркменском (т.) не только имеет семантику ‘скот’, но и образует в них схожие сочетания: б. *мал хараха* ‘пасти скот (досл. смотреть за скотом)’ [1, с. 308] / т. *мал бакмак* ‘в том же значении, в том числе дословном’. К этому разряду следует отнести следующие слова на букву *М* из обоих языков: б. *маалай*, *магнай* [1, с. 306], *манлай* [1, с. 309] ‘лоб’ / т. *маңлай* ‘лоб’; б. *магтаал* ‘хвала, ода’ [1, с. 306] / т. *магталмак* ‘быть хваленным’; б. *мэнгэ* [1, с. 328] ‘родинка’ / т. *мең* ‘родинка’; б. *мэргэ(н)* ‘меткий стрелок’ / т. *мерген* ‘в том же значении’. Если в бурятском языке год обезьяны называется как *мэшэн жэл* [1, с. 330], то в туркменском для этого используется словосочетание *бижсин йыл(ы)*, которое имеет один и тот же компонент *мэшэн* / *бижсин* [орфоэп.: *бишжсин*] со значением ‘обезьяна’. Неоспорима также общность их второго компонента: *жил* / *йыл*.

Рассмотрим общие бурятско-туркменские слова хуннского периода на некоторые другие буквы: б. *орилхо* ‘плакать’, ‘рыдать’ / т. *орламак* ‘громко плакать’, ‘реветь’ [14, с. 492]; *орлохо* ‘замещать’, ‘заступать на чье-л. место’ [1, с. 374] / т. *орнашмак* ‘помещаться’, ‘размещаться’, ‘занимать место’ [14, с. 492]; б. *орлогшо* ‘заместитель’ [1, с. 374] / т. *орунбасар* ‘заместитель’ [14, с. 493]; б. *хүхэ* ‘синий’, ‘голубой’ [1, с. 620] / т. *гөк* [орфоэп.: *гөөк*] ‘в том же значении’; б. *эжы* ‘мать’ [2, с. 51] / т. *эже* ‘мать’; б. *эм* ‘лекарство’ [2, с. 51] / т. *эм* ‘лекарство’, ‘излечение’. Можно с большой долей вероятности утверждать, что бурятское слово *хун* ‘человек’ и туркменское слово *гун* ‘люди’, ‘народ’, сохранившееся в указанном значении в составе патриотической пословицы *Илим-гунум болмаса, Айым-Гунум догмасын* ‘Если не станет моего народа (досл. ‘моего народа гуннов-хуннов’), то пусть не восходят и Луна, и Солнце’, имеют единую этимологию.

Наряду с этим мы не сомневаемся в том, что возвратное местоимение *өөр*, которое употребляется в бурятском с предлогами [1, с. 381], и его туркменское соответствие *өз* [орфоэп.: *өөз*], употребляющееся с прибавлением к нему окончаний категории принадлежности, исторически восходят к так называемому общему «алтайскому» (вернее: туранскому) периоду в древнейшей истории родственных языков. Мы уверены также в том, что еще в «алтайский» период гласные разделились между собой на соответствующие краткие (обычные, нормальные) и долгие пары, которые в отношении друг к другу носили смысловозначительную функцию, т.е. краткость и долготы гласных еще тогда были этимологически маркированными. Тем не менее, к современным туркменским словам с долгим гласным *ой* [оой] ‘мысль’, *ойланмак* [орфоэп.: *оойлонмок*] ‘думать’, ‘подумать’ могут этимологически соответствовать слова бурятского языка с кратким гласным [о] типа: *ойлгосо* ‘понятие’, ‘понимание’, *ойлгохо* ‘понимать’, ‘разбираться в чём-л.’, ‘уяснить себе что-л.’, *ойгуй* ‘безумный’ [1, с. 364].

Завершим разговор о звуках одним интересным фактом из истории, относящимся к древнему консонантизму тюркских и монгольских языков. Неизвестный для нас автор в своей статье «Туркмены иомудского племени», изданной в «Военном сборнике» за 1872 год, об особенностях туркменского языка пишет следующее: «Туркмены говорят по-татарски (т. е. по-тюркски. — М. С.) джагатайским наречием; в произношении есть особенности, и, между прочим, часто слышен звук буквы “ц”, совершенно чуждый другим татарским наречиям. Это тоже,

кажется, показывает, что еще не изгладились звуки монгольского языка» [15]. Если не учитывать старую терминологию, то в данной цитате рациональным является утверждение об одном звуке, общем для туркменского и монгольского языков, и, скорее всего, неизвестный автор ведет речь о туркменском апикальном согласном звуке [с], который был утрачен в бурятском и присутствует в монгольском в несколько измененном виде (передается при написании исконно монгольских слов буквой *Цц* современного монгольского алфавита на кириллице).

За прошедшие века и тысячелетия некогда общие слова в каждом языке подвергались соответствующим изменениям как по формальным (звуковым) признакам, так и по содержанию (значению). При этом эти лексемы сохранили свои обще-семантические признаки: б. *шубуун* [2, с. 49] ‘птица’ / т. *чыбын* (орфо-эп.: *чыывын*) ‘комар’ (лит.), ‘муха’ (диал.) в значении ‘те живые существа, которые умеют летать’. Некоторые слова в одном из этих языков перешли в пассивный лексический запас: б. *сэсэг* ‘цветок’ [1, с. 417] / т. *чечек* ‘цветок’ (сравн.: турецкое *çiçek* ‘в том же значении’). В современной туркменской речи более активным стало персидское заимствование *гул* ‘цветок’, хотя, по-нашему предположению, оно могла попасть в иранские языки из древнейших тюркских (туранских) языков, будучи именной парой глагола *гул(мек)* ‘смеяться’ (т. е. ‘лицо становись как цветок’, ‘расцветать’).

Древние слова не утратили былую активность в обоих языках, сохраняя при этом общую семантику, например: б. *түрэхэ* ‘рождаться’, ‘возникать’, ‘появляться’ [1, с. 460] / т. *дөрөмек* ‘появиться’, ‘образоваться’. Более архаичный вариант сохранился в турецком языке: *türemek* ‘появляться’, ‘порождаться’, ‘возникать’. В этом вопросе для нас показательным является бурятское слово *түрэлтэн* и словосочетание с его участием: *Түрэлтэн: хүн түрэлтэн* ‘человечество’ (досл. ‘человеческий род’) [1, с. 459]. Согласно нашей ранее высказанной гипотезе, во времена флективного состояния внутривидового развития тюркских (шире: «алтайских», т.е. туранских) языков, которое непосредственно предшествовало их современному агглютинативному строю, глагол *tür-e-(mek)* послужил основой для появления *ýar-a-(t-mak)* с почти с идентичным значением: *ýazyjynyň döredijiligi* (турм.) / *ýazyjynyn ýaradyjylygy* (азерб.) ‘творчество писателя’. В туркменском языке в значении ‘Бог’ имеет широкое употребление слово *Ýaradan* (*ýar-a-t/d+an*), т.е. ‘Творец’, ‘Создатель’. Таким образом, первоначальное значение этнонима *tür(k-men)* является ‘созданные (Богом люди)’, а *Ýar(a-dan)* — ‘их создатель’. Типологическую аналогию не трудно найти в других языках. Например, в арабском языке: *Халык* ‘Создатель’, ‘Бог’, а *халк* ‘созданный’, ‘народ’ — лексемы, восходящее из единого гнезда. Следовательно, *Туран / Туркестан* — эта ‘страна народов, созданных Богом’ [8, с. 166].

Как известно, этноним *туркмен* впервые встречается в виде *тё-ку-мёнг* на страницах китайской энциклопедии VIII в., где повествуется о событиях происходивших еще в V в., и их страной называется Алания. Для сравнения вспомним, что Чингисхан был потомком Алан-гоа. Приведем следующую цитату: «Известно, что в первой половине XIII века аланы уже приняли христианство и их епископом был Федор. Особый интерес представляет группа алан, очевидно, восточно-европейского происхождения (первичной родиной аланов-массагетов считается Туран / Туркестан. — М. С.), составившая отряд монгольской армии в Китае. По свидетельству францисканского миссионера Одорико Порденоне, совершившего путешествие по странам Востока в 1316–1330 гг., 30 тысяч алан со-

стояли на жаловании у великого царя. Они исповедовали православие и жили вместе со своими семьями на побережье напротив острова Формоза (Тайвань). К сожалению, о дальнейшей их судьбе ничего не известно. Вероятно, их затем переселили в Китай, где они в XIII веке были ассимилированы местным населением» [3, с. 7].

К сожалению, ограниченный объем журнальной статьи не позволяет подробно освещать проведенные нами анализы и обобщения по всем группам бурято-туркменских общих лексем, и поэтому ограничимся здесь изложенным выше. Укажем лишь на сведения из статьи Н. И. Егорова об огурах: «...родоплеменное объединение в Центральной Азии; выделилось из состава огузов предположительно в сер. 1 тыс. до н.э.» [18]. Эту же дату приводит Г. Б. Матвеев в статье «Огузы», где, в частности, пишет, «что из пратюрк. общности племен огурская и огузская ветви выделились еще в сер. 1 тыс. до н.э. Из Монголии О. двинулись к Приаралью» [19]. По нашим расчетам, еще задолго до этого завершился распад «алтайской» (т.е. туранской) общности и начался хуннской период, который в последующем характеризовался появлением самостоятельных тюркской и монгольской групп родственных языков. И тогда в мифологии и фольклоре этих народов единый культ начали именовать двойко, т.е. Огуз-ханом и Ойрот-ханом, и на этой основе возникли их исторические самоназвания: *огуз* (современные тюркские народы) и *ойрот / ойрад / өөрд* (современные монгольские народы).

В заключение приведем наше высказывание по случаю юбилея известного ученого: «Если сослаться на работы нашего юбиляра, профессора В. Я. Бутанаева, 70-летию которого посвящается настоящая конференция, то можем констатировать, что, в частности, его книга “Бурханизм тюрков Саяно-Алтая” (Абакан, 2003) содержит ценные сведения о религиозно-фольклорном образе Ойрот-хана. Как известно, знаменитый алтаист Г. Й. Рамстетд писал об этимологической идентичности слов “ойрот” и “огуз”. Исходя из этих данных, нам нетрудно будет обобщить: образ упомянутого Ойрот-хана и образ легендарного прародителя современных туркмен — Огуз-хана, о котором повествуют “Родословное древо туркмен” (XVII в.) и более раннее “Огузнаме”, имеют общий исторический прототип, который можно будет выявить в будущем, не только исследуя глубинные слои веков и тысячелетий, но и адекватно изучая соответствующие этнографические и фольклорные материалы» [12, с. 146].

Теперь можем добавить к ранее сказанному, что Ойрот-хан (Огуз-хан) был легендарным прародителем не только тюркских, но и монгольских народов, хотя его образ у последних был отодвинут на задний план после XIII в. исторической фигурой Чингисхана, что отчетливо выявляется из легенды об Ойроте, где он характеризуется в качестве одного из потомков мирового завоевателя, чье появление ожидается в мире вторично для восстановления подлинной справедливости (как имам Махди у мусульман-шиитов?). По этому поводу можно обратить внимание еще и на то, что туркмены-сунниты устами своих поэтов в определенном отрезке своей сравнительно поздней истории именовали себя саинхановскими, т. е. потомками Баты-хана, старшего внука Чингисхана [13, с. 90–100].

Литература

1. Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. — 852 с.
2. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыдендамбаев. — М.: Изд-во вост. лит., 1962. — 340 с.
3. Меметов А., Меметов А. М. Саки и аланы в Крыму и их участие в этногенезе крымских татар // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского // Филологические науки. — 2016. — Т. 2 (68). — № 3. — С. 3–11.
4. Мескутов В., Соегов М. Краткий грамматический очерк туркменского языка в сопоставлении с русским языком // Туркменско-русский учебный словарь / под ред. П. Азимова. — М.: Русский язык, 1988. — С. 408–448.
5. Рассадин В. И. Возможна ли тюркская этимология этнонима “ойрад”, имен “Джангар”, “Чингис” и “Гэсэр”? // Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264. Helsinki 2012. Pp. 319–327.
6. Рассадин В. И. Сойотско-бурятско-русский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. — 180 с.
7. Рамстедт Г. И. Этимология имени Ойратъ // Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Томъ XXXIV / ред. А. Д. Рудневъ. — С.-Петербург: Типография В. О. Киришаума (отделение), Новоисаакievская, 20. 1909. — С. 547–558.
8. Соегов М. В корнях тюркских слов кроются корни тюркских народов и не только их (в порядке обсуждения) // Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура: материалы междунар. науч.-практ. конф. — М., 2016. — С. 165–169.
9. Соегов М. Калмыцко-туркменская лексическая общность: древнейший пласт или позднейшие заимствования? (в связи с 140-летием со дня рождения В. Л. Котвича и Г. Й. Рамстедта — знаменитых алтаистов) // Вестник Калм. гос. ун-та. — 2012. — № 3. — С. 85–90.
10. Соегов М. Краткий калмыцко-туркменский словарь и некоторые соображения по алтаистике (в связи с 140-летием со дня рождения В. Л. Котвича и Г. Й. Рамстедта — знаменитых алтаистов) // Тюркологии: науч. журнал междунар. казахско-турецкого ун-та им. Ахмета Ясави. — Туркестан, 2012. — № 5. — С. 5–11.
11. Соегов М. Монгольско-туркменский лексикон на фоне выдвигаемых автором гипотез (к 120-летию со дня рождения Николаса Поппе и 80-летию издания его монголо-ведческих книг) [Электронный ресурс] // Язык: история и современность: науч., образоват., культ.-просвет. журнал Кабардино-Балкар. гос. ун-та им. Х. М. Бербекова № 1. — Нальчик, 2017. — С. 60–77. — URL: http://em.kbsu.ru/doc/n1_2017_1/Soyegov_M.pdf (дата обращения: 15.06.2018).
12. Соегов М. Об этимологии и правописании личных имен и прозвищ некоторых туркменских правителей Средневековья // Вестник Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. — 2017. — № 16. — С. 144–146.
13. Соегов М. Саинхановские (Батыйхановские) туркмены: к постановке вопроса, его истории и предыстории (по данным разных списков «Огузнаме» и некоторых других источников) // Вестник Калм. ун-та. — 2012. — № 4. — С. 90–100.
14. Туркменско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. — М.: Советская энциклопедия, 1968. — 832 с.
15. Туркмены иомудского племени [Электронный ресурс] // Военный сборник. — Т. 83. — № 1. — СПб., 1872. — С. 65–88. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-880/Turkmen_iomud/text1.htm (дата обращения: 05.06.2018).
16. Языки — его стихия. Профессор В. И. Рассадин / отв. ред. Г. М. Борликов. — Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2014. — 239 с.

17. [Электронный ресурс] — URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=3673> (дата обращения: 02.07.2018).

18. [Электронный ресурс] — URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=1536> (дата обращения: 03.07.2018).

ON JOINT ANCIENT LEXICAL LAYER
IN MODERN BURYAT AND TURKMEN LANGUAGES
(interdisciplinary approach)

Muradgeldi Soyegov

Dr. Sci. (Phil.), Prof., member (academician) of Academy of Sciences of Turkmenistan
National Institute of Manuscripts, the Academy of Sciences Turkmenistan
13a Pushkina St., Ashgabat, 744000, Turkmenistan

The article reviews at interdisciplinary level the questions of etymology of lexical units in presumably related languages, and on this basis the author makes the assumption of a single origin of the Buryat (more generally Mongolian) and the Turkmen (more generally Turkic) people. The author reveals the language means used in Hunn's period, and attempts to define the language units used in ancient periods of joint history. Along with the language and historical data, folklore sources are also subject to comparative analysis. Nevertheless, the principle of linguistic centrism prevails in the article. The articles from dictionaries of compared languages and grammatical facts were used as the basic material for research. The author also paid attention to works of art.

Keywords: Buryat and Turkmen languages; joint layer; Hunn's period; ancient "Altay" (Turan) period.